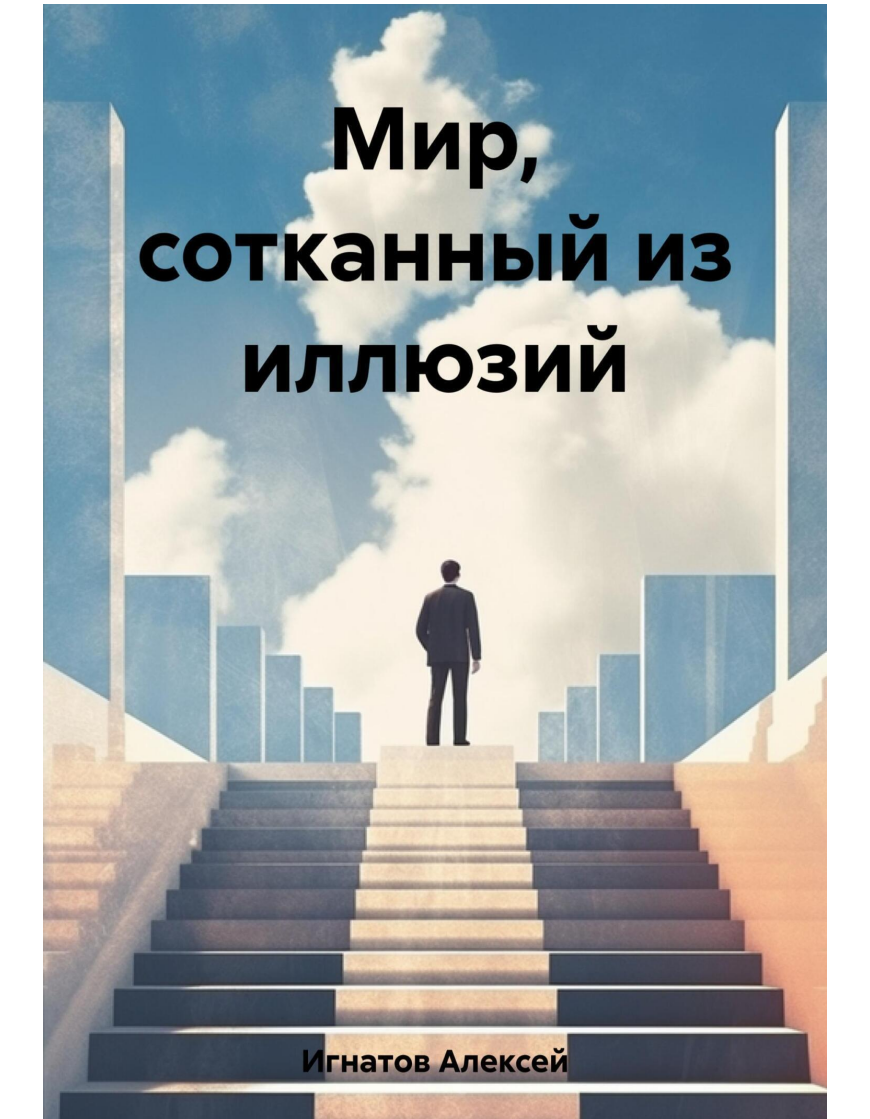

Мир, сотканный из иллюзий

A man in a dark suit stands with his back to the camera on a wide, multi-colored staircase that leads up towards a stylized city skyline. The sky is bright blue with large, white, fluffy clouds. The scene is framed by tall, thin, light-colored structures on either side, creating a sense of depth and perspective. The overall mood is contemplative and aspirational.

Игнатов Алексей

Алексей Игнатов

Мир, сотканный из иллюзий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69579067

SelfPub; 2023

Аннотация

Весь мир – иллюзия, а он в нем – иллюзионист. Его трюки потрясают воображение! Если, конечно, то, что он делает на сцене, действительно трюки.

Алексей Игнатов

Мир, сотканный из иллюзий

Фокусник – плохое слово. Оно напоминает о человеке в цилиндре и черном плаще, который с натугой вытаскивает из воздуха монетки на детском празднике. Куда лучше звучит слово «иллюзионист». Повелитель иллюзий, способный показать все, что захочет, пройти сквозь стену, взлететь, вынуть живого тигра прямо из воздуха. Фокусник дурит людей, а иллюзионист создает для них новую реальность. Да и сама реальность разве не одна большая иллюзия? Люди видят то, что хотят увидеть. И шоу начинается! Шоу Зервана Дайсоны.

Его имя собрало в зале всех любителей высококлассного обмана, мечтающих стать его жертвой. Эти люди не шуршали бумажными кулками и не булькали стаканами с газировкой, не разговаривали. Они ждали, когда Мастер Иллюзий появится на сцене. И его появление должно быть эффектным.

В этом суть – в эффектности! Эхнэя первой появится на сцене. Едва ли родители назовут своих детей Зерваном и Эхнэей, но эффектному шоу нужны яркие имена, и именно эти украшали афиши представления.

Платье из сверкающих полосок ткани, расходящихся при

каждом движении, едва прикрывало совершенное тело. Походка, больше похожая на танец, завораживала, а рокот музыки и блеск огней отправляли зрителей в плавание по волнам легкого транса. Эхнэя не делала трюков на сцене, и даже не отвлекала внимание от иллюзиониста, пока трюки делал он. Ее роль – роль яркой обертки, которая привлекает внимание, интригует и завораживает, до тех пор пока не будет сорвана и отброшена в сторону, ради того, что лежит в коробке с подарком.

Музыка смолкла, и браслеты на руках Эхнэи громко звякнули, когда она вскинула руки на последней ноте оркестра. Только эти руки на потемневшей сцене оставались освещены лучами прожекторов, и облако тумана растеклось между ними.

Браслеты издали новый звон в тишине, когда Эхнэя развела руки, и облако потянулось за ними. Оно росло, наполняло сцену, обретало форму. Еще один звон, слышный в самом дальнем ряду зала, еще взмах, и туман исчез. Вместо него на сцене стоял большой стеклянный шар.

В таких шарах обычно прячется крохотный домик, а если потрясти шар, то начинается снег. Этот отличался от своих заурядных собратьев и размерам, и содержимым. В нем не было снега и маленького домика. Мастер Иллюзий, Зерван Дайсони, сидел в центре шара. Обернутый в оранжевую ткань, как тибетский лама, в позе лотоса, он опирался только на воздух.

Время шло.

Зал ждал.

Зерван открыл глаза, и их красный отблеск заставил зрителей вздрогнуть. Он поднялся, все так же опираясь на воздух, шагнул вперед и прошел сквозь стенку шара. Пока иллюзионист шагал по невидимой лестнице, его оранжевый наряд сменился на джинсы и белую рубашку.

Зал молчал, когда он коснулся сцены. Зал молчал, когда он повел рукой и шар из литого стекла поднялся вверх. Он начал вращаться, и крутился все быстрее, с гулом разрывая воздух. Этот гул оставался единственным звуком в зале, пока новый взмах ладони не сорвал его с места. Шар метнулся в зрительный зал, и гул сменился воплями. Шар лопнул, как мыльный пузырь, и исчез. Оркестр выдал новый музыкальный залп, но его почти не было слышно. Крики, вопли и аплодисменты звучали куда громче.

Эффектное появление удалось, и теперь Зерван Дайсони мог начать выступление. Трюк с шаром – лишь легкая разминка перед всеми чудесами этого вечера. И пока шоу продолжается, каждый в зале будет верить, что эти чудеса – настоящие. Но что значит слово «настоящее» в мире, сотканном из иллюзий?

Зерван блаженно растянулся в кресле, в своей гримерке, увешанной плакатами великих мастеров прошлого. Гудини, гений побегов и освобождений. Робер-Уден, которого назы-

вали отцом иллюзий. Хасан аль Азре, великий мастер, погибший прямо на сцене. Собратья и предшественники, своими трудами проложившие путь ему, как лучшему из них.

Зерван наслаждался своим миром иллюзий куда больше, чем его зрители. К тому же им приходилось платить за право увидеть иллюзию, а он на этом еще и богател! Разве жизнь не прекрасна? А холодное белое вино делает ее еще лучше, и отлично освежает после выступлений. Выступления упоительны и прекрасны! Но утомительны.

–Я давно наблюдаю за тобой, Зерван.

Голос Эхнэи выдернул его из глубин собственных мыслей. Со своим бокалом она сидела напротив, все еще в скудном сценическом платье. Платье скорее открывало тело для обзора, чем прятало его, и Зерван охотно пользовался еще одним бонусом своего положения – видом на безупречные ноги, перекрещенные в лодыжках.

–За мной все наблюдают! В этом суть представления, разве нет? Люди готовы платить, что бы понаблюдать за мной.

–Я не о том. Я соучастник всех твоих номеров. Это я устраиваю эффектные появления, ловлю попугаев, которые ты достаешь из воздуха, и все такое.

–Интересно, ты сказала: «Соучастник», как будто речь о преступлении. Тебе налить еще? – Зерван поднял бутылку. – Нет? А я себе налью. Знаешь, вино так бодрит после выступления.

–Не отвлекай меня! – Эхнэя гневно взмахнула своим бо-

калом. Несколько капель прыгнули через край и упали на платье.

–Погоди! – Зерван поднялся и накрыл влажные пятна ладонью. Он поцеловал помощницу в плотно стиснутые губы и убрал руку. Мокрые пятна исчезли.

–Вот! – она оставила бокал в сторону. – Вот я про это как раз. Я участвую во всех номерах, и понятия не имею, как ты это делаешь! Вот сейчас, как ты это сделал? Почему я не знаю ничего?

–Потому что я иллюзионист. Помнишь? А иллюзионист не раскрывает своих секретов. Это вам не какой-то там шпионаж – это фокусы! Тут надо уметь хранить секреты. Но я тебе один открою.

Зерван нагнулся к самому ее уху и прошептал:

–Ткань платья не впитывает воду. А в моей ладони – салфетка. В нее все впиталось, и никаких следов.

Он снова взял бокал.

–Видишь – теперь в руке нет салфетки. Пока я тебе про нее рассказывал, я ее просто спрятал в карман.

Отличное объяснение, которое устроило бы почти кого угодно. Почти – но не Эхнэю. Она слишком хорошо знала его, видела слишком много выступлений и уже начала задавать вопросы. Она хочет знать секреты, и будет снова спрашивать, будет выведывать и подсматривать.

Каждая из них однажды начинает задавать вопросы. И когда вопросов становится слишком много, когда на них на-

чинают появляться ответы, приходится менять помощниц. Эхнэя была отличной ассистенткой и на сцене смотрелась божественно! Но продержалась меньше других. Ее будет не хватать! Не хватать ему. А больше никто ее не хватится.

–Так что это просто фокус, иллюзия! – закончил он свою речь из глубины кресла, снова обнявшего его тело.

–Это не просто фокус! А ткань как раз обычная, все она впитывает! Смотри!

Эхнэя плеснула вином на платье, и мокрое пятно расплзлось по ткани.

–Видишь? Оно промокает. Хватит мне врать!

Она рывком встала, дернула застежку, и платье упало на пол. Не стоило переоценивать такой жест, ей просто нужно переодеться. Сменить наряд, и сменить гнев на милость. Она швырнула платье в лицо Зервану.

–Это просто платье, а ты не просто трюкач! И ты мог бы ... Мог бы ... Да ты до хрена чего мог бы, если бы не сидел в этом кресле! Столько можно сделать, а ты просто сидишь, и напиваешься!

Не стоило произносить гневные речи, прикрывая тело только прозрачными трусиками. Какой мужчина сможет прислушаться к словам в такой момент?

–Выпей и ты со мной! За твою красоту! За наш общий успех! – Зерван поднял бокал, и Эхнэя возмущенно фыркнула. Она не сказала больше ни слова, пока одевалась в повседневное, уходила, и так гневно хлопнула дверью, как только

могла.

–А я и так много чего добился! – чуть обиженно сообщил Зерван закрытой двери. – Меня все знают, меня все любят, я сижу в кресле и пью вино по восемь тысяч за бутылку, как компот. Разве этого мало?

Бокал опустел. Он поставил его на стол и провел пальцем по стеклянной стенке. Он не на сцене, тут не нужны никакие эффектные появления, так что не было ни музыки, ни вспышек света. Только облачко тумана, которое почти всегда идет впереди его иллюзий. Бокал снова наполнился вином и Зерван сделал глоток. Что может сравниться с этим прекрасным напитком? Разве что красота Эхнэи в ярости, чем он уже полюбовался, и вкус спелой клубники, блюдец которой теперь висело в воздухе рядом с его креслом.

–Так, все собрались и не тупим! Танцевальная группа – вы не в ритме. Вы должно четко следовать за музыкой, никаких отвлечений. Еще раз, с начала!

Танцоры вяло забормотали. Зерван на репетиции совсем не проходил на Зервана, потягивающего вино в гримерке. Шоу превыше всего и никому не позволено отступать от его правил. И если танцоры должны пройти по сцене сотню раз подряд, они пройдут.

–Еще раз, все на исходную!

Танцоры все еще бормотали, и Зерван разобрал что-то вроде: «Да сколько можно-то!» и «Вот же мудак!», но никто

не скажет ничего вслух, прямо и громко. Пока он платит им впятеро больше, чем кто угодно другой, им придется четко следовать сценарию шоу.

Фигуры танцоров заполнили сцену, и огни отражались от их одежд, словно живой огонь танцевал перед пока еще пустым залом. В центре этого огня Мастер Иллюзий поднимался в воздух. Никто не смог бы ответить, как он это делает. Ни один танцор не смел отвлечься от своего выступления, что бы посмотреть вверх и разглядеть проволоку, на которой он висит. Там должна быть проволока, это единственное разумное объяснение! Все фокусники так делают, полет – совсем не сложный трюк! В отличие от исчезающего фонтана.

Зерван протянул руки перед собой, и из центра его ладоней забил родник. Он становился сильнее, рос, и превратился в фонтан. Когда иллюзионист развел руки в стороны, два потока воды блеснули в лучах прожекторов. Вода взлетала к потолку и падала вниз, но исчезала, не касаясь танцоров. Ни одна капля не упала на сцену.

Во всяком случае, так должно быть. Исчезающий фонтан оживет, оторвется от ладоней иллюзиониста, промчится над зрительным залом. Он превратится в дождь, и сменится снегом. Снег упадет в зал и растает, не составляя следов. Новое шоу, полностью построенное на погоде, будет прекрасным! Если пройдет, как задумано.

Зерван дернулся в воздухе. Вскрикнул. И упал под ноги танцорам. Потoki воды обрушились на сцену и танцоры за-

вопили. Ледяная вода смывала сценический грим, портила костюмы и сбивала с ног. Музыка умолкла.

–Ладно, перерыв три часа! – Зерван подал голос прямо с пола, где лежал в луже воды.

–Я пока устраню технически пробелы. Эхнэя, мне надо с тобой серьезно поговорить.

За кулисы он ушел, оставляя потоки воды за спиной. Три часа спустя сцена будет сухой и идеально чистой, как и его костюм, и те, кто спросят: «Как он это сделал?» не найдут ответа. Они не знают, где его искать. Но знает Эхнэя. И это становится проблемой.

–Ты вмешалась. Я почувствовал, ты вмешалась, и я навернулся с двух метров.

–Как бы я могла вмешаться? – Эхнэя изумленно захлопала ресницами. – Я даже не знаю, как ты это все делаешь, откуда вся эта вода берется.

–Ты вмешалась! – Зерван повысил голос. – Больше так не делай. И хватит играть со мной! Играть – это моя работа. Хватит увиливаний. Ты отлично знаешь, откуда вода. Давно все поняла.

Последние слова он произнес стоя уже в сухой одежде.

–Ты испортила мне номер. Ладно еще, что на репетиции! Я сразу ощутил, что это ты вмешиваешься. И уже не первый раз!

Первый раз чужую волю он заметил две недели назад, когда доставал попугаев из обруча. Обруч появлялся в его ру-

ке из пустоты, как и все остальное. Зерван взмахивал им, проводил сквозь воздух, и на той стороне обруча вспыхивал образ джунглей. Ревели слоны, текла река, и яркий попугай вылетал из него, делал круг над залом, и садился на плечо иллюзиониста.

Так было обычно. Но две недели назад попугай спикировал в зрительный зал и исчез, немного не дотянув до полного падения.

Второй раз чужая воля вошла в его выступление позавчера. Зерван ловил руками пулю. Это старый трюк, и каждому понятно, что пулю фокусник прячет в руке, а патрон в пистолете незаметно подменяет на холостой. Но нельзя стать великим, если повторять то, что делают другие, и Зерван не подменял патрон. Настоящая пуля летела к нему и замирала в воздухе, откуда он ее и доставал.

В этот раз пуля не зависла. Она пробила его грудь, и он упал, заливая кровью сцену. А потом поднялся в воздух, торжественно воскрес, и решил использовать этот ход на других концертах. Пуля не убила его, но смерть – просто еще одна иллюзия. Пуля не подчинилась – вот что страшно. Чужая воля нарастала, и он уже знал, чья это воля.

–Ты испортила номер. И вот только что чуть-чуть не убила меня на представлении с пулей. Я же чувствую, что это ты! Зачем? И как?

–А ты думал, можно вечно мозолить мне глаза своими трюками, и я не пойму, что к чему? Не научусь? Я столько

лет с тобой, было время понаблюдать и перенять опыт. И никакие это не иллюзии!

Она протянула руку и на ладони зажглась сверкающая точка, как на руке Зервана появлялся родник. Точка росла и разгоралась в пламя. Оно поднялось, вздрогнуло, охватило руку. Эхнэя вскрикнула и замахала рукой. Пламя погасло.

–Так себе номер! – прокомментировал Зерван. – Навыка нет, и контролю ты еще не научилась. На оттачивание мастерства уйдут годы, причем годы в беспробудной самодисциплине! Я больше двадцати лет провел...

–В Тибете! – перебила его Эхнэя. – Занятый медитациями по пятнадцать часов в сутки. Знаю, слышала твои байки.

–В Непале! – поправил Зерван. – Провел в Непале. И ты не права – все это именно иллюзии. Все иллюзии! Нет никакой реальности, то, что ты так называешь, а есть иллюзия. Знаешь, как буддисты говорят: форма есть пустота, и пустота есть форма. Ты видишь, слышишь, осязаешь, но все это – майя, иллюзия! Вся реальность – иллюзия. А я иллюзионист.

–Ты идиот! – крикнула Эхнэя ему в лицо. – Ты же можешь менять реальность, как угодно!

–Это не реальность. – Зерван заговорил медленно и громко, как будто втолковывал что-то слабоумному ребенку. – Это все иллюзии. Я, ты, это место, мир вокруг, все – просто иллюзии.

–А это иллюзия? – крик Эхнэи взметнулся к потолку, как пламя, недавно горящее на ее ладонях.

Она вздохнула глубоко, скривилась от напряжения, и облако тумана возникло перед ней. Оно сгущалось, обретало форму. Тело, мощные лапы, висящий хвост. И острые оскаленные зубы. Огромный волк стоял перед ней и скалился на иллюзиониста.

– Не плохо. Но ты зря напрягаешься. Ты пытаешься лепить реальность, а надо расслабиться и понять, что реальности не существует. Все вокруг только иллюзия.

Волк прижался к полу и оскалился. Он шагнул вперед и Зерван отдернул ногу. Эхнэ засмеялась.

– А если все иллюзия, то что ж ты ногу-то убрал? Неужто, страшно? Волк мой, он не твоя иллюзия, а моя! Я его создала! Тебе с ним не справиться, не убрать его. Ты не можешь управлять чужими иллюзиями, не ты создал волка, он тебе не подчинится. Он мой! А ты идиот. Катаешься со своими концертами, винишко попиваешь. Тварь убогая! Это все, что ты смог придумать?

– А есть еще варианты?

– Есть! Ты можешь создать золото. Бриллианты. Деньги. Можешь сделать себе армию. Или создать дракона и спалить город.

– Зачем бы мне это делать? – удивился Зерван. – Мне этот город понравился.

– Заткнись! Не беси меня. Ты убогий и ограниченный идиот. Ты можешь... Да все, что угодно! Хоть миром править. Ты почти бог! А тратишь себя на дебилские фокусы!

–А разве сам бог – не такая же иллюзия, как и все прочее? – ответил Зерван, и чуть печали прокралось в его спокойный голос. – Весь мир – просто иллюзия. И у меня есть веская причина, что бы показывать фокусы, а не завоевывать мир. Знаешь, как говорят, что у каждого свой путь?

–Заткнись! Я поняла, как ты это делаешь. И я не буду прозябать на твоих тупых концертах, хватит с меня. Я хочу все и сразу! Взять его!

Волк отлично понял команду. Его тело сжалось пружиной, и клыки, белоснежные, слишком идеальные для настоящего волка, разошлись в сторону, на пути к горлу Зервана. Зверь взлетел, как серая молния и приземлился на колени иллюзиониста.

–Мяууу! – сказал он, и свернулся в пушистый комок.

–Ты не поняла суть! – Зерван погладил котенка на коленях и тот замурлыкал. – Твой волк – все равно моя иллюзия. И я все равно им управляю, а кошки мне нравятся больше, чем волки. И не трудись создавать что-то еще!

Он махнул рукой, и новое облако тумана под ногами Эхнэи рассыпалось.

–Ты права, спору нет, нельзя управлять чужими иллюзиями. Вот только все иллюзии, созданные моими иллюзиями, тоже, по сути, мои, и я могу ими управлять. А ты уволена.

Эхнэя кричала что-то, но звука уже не было. А за ним не стало и ее тела. Оно становилось прозрачным, исчезало, и растаяло в воздухе, как туман.

Она была прекрасной ассистенткой! Но продержалась совсем не долго. Рано или поздно все они решают, что могут копировать мастера и творить какое-то безумие в этом и так слишком беспокойном мире. Придется опять создавать новую помощницу. И в этот раз имечко ей надо придумать попроще.

— У каждого свой путь. — Зерван закончил, наконец, мысль, прерванную нападением волка. — И мой путь — показывать фокусы. И на то есть веская причина: править миром хлопотно и скучно, а показывать фокусы весело, и мне это нравится. Так что никаких драконов, и сожженные города тоже отменяются. Вот так вот!

Он посадил котенка на пол. Пожалуй, новую ассистентку стоит сделать блондинкой. А лучше даже сотворить двух близняшек, это можно будет отлично обыграть на следующем представлении. Новый сценарий уже крутился в голове. Шоу всегда должно продолжаться!